

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ ФОРМ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ.

Джураева Фарахбону Исматиллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Авазова Мехринисо Толибовна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. Данное исследование посвящено комплексному анализу функционирования диминутивных форм в современной русской разговорной речи. В работе рассматриваются морфологические, прагматические и когнитивные аспекты использования уменьшительно-ласкательных суффиксов. Исследует диминутив не только как средство выражения субъективной оценки размера, но и как важнейший инструмент социальной навигации, позволяющий регулировать дистанцию между коммуникантами. Особое внимание уделяется анализу культурных сценариев, стоящих за выбором диминутивной парадигмы, а также механизмам лингвистического хеджирования в условиях повседневного межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: диминутив, разговорная речь, прагматика, коммуникативные стратегии, лингвистическое хеджирование, суффиксальная модификация, языковая картина мира.

Феномен уменьшительно-ласкательных форм, или диминутивов, в структуре русского языка представляет собой одну из наиболее ярких и одновременно дискуссионных характеристик национальной речевой культуры. В современной лингвистической парадигме, ориентированной на изучение «человека в языке», диминутив перестает рассматриваться как сугубо грамматическая категория, связанная с обозначением малого объема или размера объекта. Вместо этого он предстает как многогранный прагматический инструмент, позволяющий говорящему конструировать особую модальность высказывания, транслировать тончайшие оттенки эмоций

и управлять ходом коммуникативного акта. Разговорная речь, в силу своей спонтанности и высокой степени субъективности, становится идеальной средой для реализации этого потенциала.

Русская морфологическая система обладает уникальным набором суффиксальных средств, таких как -к-, -ик-, -чик-, -очк-, -еньк-, -ушк-, которые позволяют создавать многоступенчатые градации эмоциональной близости. Выбор того или иного суффикса в живой речи редко бывает случайным; он диктуется сложным переплетением социальных ролей, контекста ситуации и интенций говорящего. Если мы обратимся к классическим литературным текстам и попробуем осуществить их художественный пересказ с точки зрения лингвиста, мы увидим, как мастера слова, такие как Иван Шмелев или поздний Гоголь, использовали диминутивы для создания эффекта «ожившего быта». В их описаниях «утречко», «солнышко» или «кофей со сливками» — это не просто уменьшенные копии реальности, а способ сакрализации повседневности, превращения обыденного существования в уютное, безопасное и одушевленное пространство [6, с. 95]. Диминутив здесь выступает как лингвистический щит, ограждающий хрупкий мир частного человека от холодного дыхания большой истории или официальной государственной машины. Этот аспект «одомашнивания» мира крайне важен для понимания того, почему в русской разговорной речи так часто встречаются слова вроде «дорожка», «денежки» или «минутка». Фундаментальные труды Анны Вежбицкой, если подвергнуть их детальному и корректному пересказу, предлагают концепцию культурных сценариев, в которых диминутивы занимают центральное место. Вежбицкая утверждает, что русский язык в своей основе глубоко эмоционален и ориентирован на установление душевного контакта. Использование уменьшительных форм в этой системе координат является способом манифестации любви, симпатии или, как минимум, отсутствия агрессии. В отличие от германских языков, где чрезмерное употребление диминутивов может маркировать речь как инфантильную или ограниченную, в русском дискурсе это нормативный способ выражения теплоты и социальной солидарности. Тем не менее, функционирование диминутивов в разговорной речи выходит далеко за рамки трансляции нежности [1, с. 341].

Одной из наиболее значимых функций в современном городском общении становится стратегия лингвистического хеджирования. В лингвистике под хеджированием понимается использование языковых средств для смягчения категоричности высказывания, снижения ответственности говорящего или минимизации давления на адресата. В этом ключе диминутив «проблемка» вместо «проблемы» или «счетик» вместо «счета» выполняет роль психологического демпфера. Говорящий как бы сообщает: «Я приношу вам некоторое беспокойство, но оно невелико, оно не должно вас пугать или обременять». Это особенно ярко проявляется в сфере обслуживания, где сформировался устойчивый подтип «сервисного диминутива». Официанты, менеджеры по продажам или администраторы клиник используют уменьшительные формы как инструмент мягкого принуждения. Просьба «подождать минутку» воспринимается адресатом менее болезненно, чем требование «ждать время», поскольку суффикс -к- когнитивно связывается с малым квантом времени и усилий. Однако именно этот аспект речи вызывает наиболее острую критику со стороны исследователей культуры.

Максим Кронгауз в своих работах о состоянии современного русского языка, если пересказать его мысли с должным вниманием к деталям, высказывает серьезную обеспокоенность по поводу «эпидемии» диминутивности. Он отмечает, что когда взрослые люди в официальных или деловых ситуациях начинают обмениваться «заказиками» и «договорчиками», происходит опасная девальвация смыслов. Язык становится инфантильным, а серьезные социальные обязательства маскируются под несерьезную, почти игровую форму [4, с. 112]. По мнению критика, это свидетельствует о желании современного человека уйти от ответственности, спрятаться за мягкими суффиксами от жестких требований реальности. Такое «сюсюканье» в публичном пространстве создает ложное ощущение дружелюбия там, где на самом деле господствуют жесткие рыночные отношения. В то же время, нельзя игнорировать тот факт, что диминутив в разговорной речи часто служит инструментом иронии или даже сарказма. Это явление можно назвать «диминутивной инверсией», когда уменьшительная форма используется для обозначения чего-то огромного, пугающего или неприятного. Сказать «какой у тебя тут беспорядочек» в комнате, где невозможно пройти, — значит усилить

критику за счет контраста между мягкой формой слова и жестким содержанием реальности. Здесь диминутив работает как средство отчуждения, позволяя говорящему дистанцироваться от неприятного объекта через насмешку. На первом этапе нашего анализа мы фиксируем, что диминутив в русской разговорной речи является сложной когнитивной единицей, выполняющей функции аффилиации (сближения), хеджирования (смягчения) и иронической девальвации. Его использование регулируется не только правилами грамматики, но и глубокими культурными установками, связанными с концептами «своего» и «чужого», «безопасного» и «угрожающего». В дальнейшем исследовании необходимо рассмотреть, как эти функции трансформируются в зависимости от гендерной принадлежности говорящих и специфики цифровой коммуникации, ставшей неотъемлемой частью современного разговорного дискурса.

Продолжая исследование прагматических аспектов диминутивной парадигмы, необходимо обратиться к анализу её функционирования в специфических коммуникативных контекстах, таких как гастрономический дискурс и гендерно маркированное речевое поведение. Гастрономическая диминутивность в русской разговорной речи представляет собой уникальный пласт, где суффиксальное словообразование служит целям не только оценки вкусовых качеств, но и формирования особого культурного кода гостеприимства. Если мы обратимся к пересказу классических бытовых сцен из русской литературы, например, как «блинчики», «сметанка», «чаек» и «сахарница» превращаются в символы благодатного, упорядоченного мира. В разговорном языке современного горожанина эта традиция трансформируется: использование диминутивов «супчик», «второе», «салатик» выступает как инструмент психологической компенсации дефицита домашнего уюта в условиях ускоренного ритма жизни. Называя покупную еду или блюдо в кафе «котлеткой», человек подсознательно пытается наделить объект атрибутами домашнего, проверенного и безопасного пространства. Этот процесс можно охарактеризовать как лингвистическую гуманизацию потребления, где суффикс выполняет роль эстетического фильтра. Однако критики, в частности Л. П. Крысин, в своих работах о социолингвистической дифференциации, указывают на то, что избыточная «гастрономическая ласкательность» может

служить маркером определенной социальной среды или профессиональной деформации [5, с. 432]. В корректном пересказе его идей, такая манера речи в определенных контекстах может восприниматься как признак мещанства или попытка искусственного заигрывания с собеседником. Важным фактором, определяющим частотность и модальность использования уменьшительных форм, является гендерная принадлежность коммуникантов. Исследовательница Е. И. Горошко в своих работах по гендерной лингвистике, если обобщить её тезисы, подчеркивает, что для женщин диминутивы («платице», «ноготки», «подружка») являются естественными элементами стратегии сближения и демонстрации сопричастности [2, с. 87]. В женском дискурсе диминутив служит для создания атмосферы доверия, позволяя собеседницам чувствовать себя в безопасности. Мужская же разговорная речь демонстрирует иную динамику. Здесь диминутив часто используется в качестве инструмента иронического отстранения или же для маркировки экспертного статуса в рамках узких профессиональных сообществ. Когда мужчина говорит о сложном механизме «машинка» или о мощном сервере «коробочка», он использует суффикс не для выражения нежности, а для демонстрации своего полного контроля над объектом, его «прирученности». Это способ лишить предмет его пугающей масштабности, переведя его в категорию привычных, повседневных инструментов.

Диминутив в мужской речи часто выполняет функцию психологического доминирования через внешнее уменьшение значимости предмета. Особое внимание следует уделить трансформации разговорных норм в эпоху цифровой коммуникации. Мессенджеры и социальные сети создали новую среду, которую лингвисты называют «письменной разговорной речью». В условиях отсутствия визуального контакта и интонационного сопровождения, диминутивы берут на себя роль графических эмодзи. «Постик», «ссылочка», «звоночек», «фоточка» — эти формы в текстовом сообщении служат сигналом дружелюбного настроения и отсутствия агрессивной интенции. Если требование «скинь файл» может быть воспринято как резкое или даже грубое, то просьба «скинь файллик» мгновенно смягчает коммуникативный акт, превращая его в необременительную услугу между равными партнерами. Здесь мы наблюдаем процесс рефункционализации

диминутива: из средства выражения эмоции он превращается в технический маркер вежливости в цифровом пространстве. В то же время, исследователь А. Д. Шмелев, чьи идеи о русской языковой модели мира заслуживают подробного пересказа, указывает на связь диминутивности с концептом «маленького человека» и стремлением к интимности, противопоставленной государственному пафосу.

Русская разговорная речь через уменьшительные формы как бы заявляет о праве человека на частное, непубличное пространство, где вещи и события соразмерны его личным переживаниям, а не масштабным идеологиям. Эта «уютная» картина мира, однако, имеет и обратную сторону — риск размывания границ ответственности. Эвфемистическая функция диминутивов позволяет говорящему маскировать серьезные просчеты под видом мелких недоразумений. «Ошибочка», «задержечка», «недочеты» — использование этих слов в разговорной практике позволяет избежать жесткой конфронтации, но одновременно создает почву для манипуляции реальностью. В заключение стоит отметить, что диминутивная система русского языка находится в состоянии постоянного развития. Она гибко реагирует на социальные изменения, будь то появление новых технологий или трансформация этикетных норм. Диминутив в современной разговорной речи — это сложный социокультурный гибрид, сочетающий в себе архаичное стремление к душевной близости и современные стратегии манипулятивного маркетинга. Его функционирование подтверждает тезис о том, что язык является не просто средством передачи информации, а способом активного конструирования социальной реальности, где суффикс может служить и щитом, и мечом, и мостом между людьми. Понимание этих скрытых механизмов необходимо для формирования высокой речевой культуры и успешной навигации в сложном пространстве современного межличностного общения. Диминутивность остается живым нервом русской речи, отражающим вечный поиск баланса между искренностью и этикетной формой, между стремлением к близости и необходимостью сохранения личных границ в динамичном мире XXI века.

Список использованной литературы:

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. С англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
2. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения: Психолингвистический аспект. — М.: Наука, 2003. — 254 с.
3. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 240 с.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — 3-е изд., испр. И доп. — М.: АСТ, 2017. — 480 с.
5. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
6. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.